

На правах рукописи

РАДИОНОВ Григорий Геннадьевич

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

- Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент
Ображиев Константин Викторович
- Официальные оппоненты: **Яцеленко Борис Викторович**,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
проректор по научной работе
- Семыкина Ольга Ивановна**,
кандидат юридических наук, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», Центр сравнительно-правовых исследований, старший научный сотрудник
- Ведущая организация: ФГКОУ ВПО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Защита состоится 29 октября 2015 г. в 14 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 170.001.02 при Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации по адресу: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации: <http://www.agprf.org>.

С электронной версией автореферата можно ознакомиться на сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации: <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан 15 июля 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.В. Буланова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В соответствии с Концепцией федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»¹ основными направлениями дальнейшего развития судебной системы являются «обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности, реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений». Очевидно, что решение указанных стратегических задач возможно только при соблюдении ряда условий, к числу которых, несомненно, следует отнести обеспечение законности доказывания по всем категориям дел (гражданским, уголовным, об административных правонарушениях). Соблюдение установленного порядка собирания и оформления доказательств является непременным условием объективного и справедливого правосудия, поскольку вынесение законных и обоснованных судебных актов возможно только в условиях добросовестности всех участников судопроизводства при представлении доказательств в суд.

Между тем в настоящее время состояние законности в сфере доказывания является крайне неблагоприятным, о чем свидетельствуют статистические показатели применения ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), устанавливающей ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности². Так, в 2008 г. было зарегистрировано 285 преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, в 2009 г. – 302, в 2010 г. – 254, в 2011 г. – 396, в 2012 г. – 496, в 2013 г. – 441, а в 2014 г. – 408 подобных преступных деяний. Столь широкие масштабы фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности не могут не вызывать серьезной озабоченности, так как даже единичный факт нарушения порядка доказывания и искажения оперативно-разыскной информации автоматически ставит под сомнение законность итогового судебного решения, причиня тем самым вред интересам правосудия в целом.

К сожалению, несмотря на предпринятые законодательные усилия, развившиеся в неоднократной корректировке санкций за фальсификацию доказательств (Федеральные законы от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, от 6 мая 2010 г.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 40. – Ст. 5474.

² Словосочетание «оперативно-разыскная деятельность» представлено в соответствии с тем, как это указано в ст. 303 УК РФ.

№ 81-ФЗ, от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ) и установлении уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ), уголовно-правовые средства борьбы с искажением доказательственной базы и оперативно-разыскной информации остаются недостаточно эффективными. Во многом это объясняется многочисленными просчетами, допущенными при конструировании ст. 303 УК РФ (пробельностью, недостаточной определенностью, непродуманной дифференциацией уголовной ответственности, несогласованностью с процессуальным законодательством и др.), а также наличием целого ряда нерешенных правоприменительных проблем, возникающих при уголовно-правовой оценке фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности.

На этом фоне диссертационное исследование, нацеленное на теоретическое разрешение указанных проблем, приобретает особую актуальность.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемы уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ, привлекли внимание немало числа ученых, таких как С.В. Асташов, И.С. Благодарь, А.В. Бриллиантов, Ю.В. Будаева, Т.А. Веденева, В.В. Вишняков, И.А. Волкова, А.В. Галахова, А.С. Горелик, И.В. Дворянсков, Н.И. Дегтярева, И.И. Зуй, И.С. Иванов, А.А. Кондратьев, Н.Р. Косевич, Ю.И. Кулешов, Л.В. Лобанова, К.Г. Лопатин, В.А. Майборода, М.Л. Прохорова, Б.С. Райкес, А.В. Руденко, А.И. Чучаев и др.

Научные труды, опубликованные указанными авторами, внесли значительный вклад в разработку уголовно-правовой характеристики фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности. Однако имеющиеся публикации не способны разрешить весь комплекс объективно сложных проблем, связанных с установлением, дифференциацией и реализацией уголовной ответственности за указанное преступление, тем более, что в большинстве опубликованных работ по вполне понятным причинам не получили отражения вопросы уголовно-правовой оценки фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (это деяние было криминализовано Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ). Кроме того, до настоящего времени за рамками научных исследований остаются проблемы социально-

криминологической обусловленности рассматриваемых уголовно-правовых запретов; не выработано общепринятое понимание отдельных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ; недостаточное внимание уделено вопросам дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности; отсутствуют непротиворечивые рекомендации по квалификации указанных преступлений.

Обозначенный контур неисследованных проблем задает параметры и направления научного поиска и дополнительно актуализирует потребность в исследовании проблем уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с установлением и применением уголовно-правовых норм об ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности.

В качестве **предмета** диссертационного исследования были избраны: преступления, предусмотренные ст. 303 УК РФ; уголовно-правовые нормы об ответственности за их совершение; практика применения указанных уголовно-правовых норм.

Цели и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в разрешении теоретических и прикладных проблем, связанных с установлением, дифференциацией и реализацией уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, а также в разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию ст. 303 УК РФ и практики ее применения.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие исследовательские **задачи**:

- изучить проблемы социально-криминологической обусловленности уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности;
- оценить уголовно-правовые запреты, установленные в ст. 303 УК РФ, с точки зрения их соответствия критериям криминализации общественно-опасных деяний;

- исследовать объект и предмет преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ;
- проанализировать признаки объективной стороны составов фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности;
- уточнить содержание признаков субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ;
- рассмотреть основания и средства дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности;
- исследовать и разрешить проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ;
- выявить просчеты, допущенные при законодательном конструировании ст. 303 УК РФ, и определить пути их устранения.

Методологическая основа исследования. Исследование базируется на диалектическом методе научного познания. В процессе подготовки диссертации также использовались частнонаучные методы: формально-логический, системно-структурный, статистический, методы моделирования, экспертного опроса, анкетирования, анализа документов, контент-анализа прессы и др.

Нормативную базу исследования составили: Конституция Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, международные договоры (в частности, Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.), постановления Европейского Суда по правам человека, УК РФ, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и иные правовые акты, имеющие отношение к теме исследования.

Теоретическую основу исследования образуют положения доктрины российского уголовного права, развитые в трудах А.В. Бриллиантова, Г.Г. Злобина, П.С. Дагеля, Н.Д. Дурманова, А.Э. Жалинского, А.И. Коробеева, Л.Л. Кругликова, Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, Ю.И. Ляпунова, В.В. Мальцева, А.В. Наумова, А.И. Рарога, А.А. Толкаченко,

А.Н. Трайнина, В.Д. Филимонова, М.Д. Шаргородского и других ученых, а также относящиеся к объекту исследования труды в области криминологии, международного права, теории права и государства, арбитражно-процессуального, гражданско-процессуального, уголовно-процессуального права, истории государства и права, социологии и филологии.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют данные, полученные в процессе анализа и обобщения: статистических данных Главного информационного аналитического центра МВД Российской Федерации, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о показателях применения ст. 303 УК РФ за период с 1997 по 2014 гг.; материалов 146 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 303 УК РФ; практики Верховного Суда Российской Федерации за период с 1997 по 2014 гг., относящейся к теме исследования; результатов анкетирования 224 практикующих юристов из 59 субъектов Российской Федерации (172 сотрудников правоохранительных органов: судей, прокуроров, следователей, дознавателей и оперативных сотрудников; 52 адвокатов и лиц, занимающихся частной юридической практикой), проведенного в 2013 г.

При подготовке диссертационного исследования автором также был использован личный опыт прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, полученный в ходе работы в органах прокуратуры г. Москвы.

Научная новизна диссертации определяется кругом рассматриваемых в ней вопросов, многие из которых незаслуженно оставались за рамками уголовно-правовых исследований, а также содержанием ее положений и выводов.

В диссертации получили развитие идеи о критериях криминализации преступлений в сфере правосудия; определены основания и пределы уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности; уточнено содержание признаков составов фальсификации доказательств по гражданскому и уголовному делам, а также фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности; обоснованы предложения, направленные на совершенствование дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию доказательств; выявлены основные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, а также сформулированы

научно обоснованные рекомендации по их разрешению; разработаны предложения по оптимизации уголовно-правовой нормы об ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Масштабная (с учетом высокой латентности) практика фальсификации доказательств порождает широкий спектр негативных социальных последствий (прямых и косвенных): причиняет вред конкретным участникам судопроизводства (в частности, их чести и достоинству, деловой репутации, имущественным интересам, физической свободе, жизни и здоровью); нарушает интересы правосудия, подрывает доверие к органам предварительного расследования и судебной системе, их авторитет; ограничивает естественные права человека на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Столь серьезный деструктивный эффект указанного преступления резко контрастирует с законодательной оценкой его общественной опасности, в соответствии с которой фальсификация доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ) признается преступлением небольшой тяжести, а фальсификация доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) – преступлением средней тяжести. В этой связи предлагается повысить верхний предел санкций ч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ (до четырех и шести лет лишения свободы соответственно), сохранив при этом их нижнюю границу.

2. Включение в УК РФ уголовно-правовой нормы об ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) позволило существенно расширить арсенал уголовно-правовых средств охраны интересов правосудия, прав и свобод личности, а также решить ряд важных уголовно-политических задач: осуществить дифференциацию уголовной ответственности; акцентировать внимание на необходимость противодействия фактам фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, умножив общепревентивное воздействие соответствующего уголовно-правового запрета; сконструировать уголовно-правовую норму с двойной превенцией.

3. Учитывая неразрывную связь доказательственной информации и источника доказательства, которые соотносятся как содержание и форма, предметом преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ, следует признать: а) информацию о фактах, с помощью которой устанавливается наличие или от-

сутствие обстоятельств, имеющих значение для гражданского или уголовного дела; б) источник получения такой информации. Следовательно, фальсификация источника доказательств (например, протокола следственного действия) образует состав преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, даже если она не сопровождалась искажением содержания доказательственной информации (что не исключает возможности применения ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, нуждается в расширении за счет включения в него доказательств по делам об административных правонарушениях, поскольку их фальсификация по своей общественной опасности ничуть не уступает фальсификации доказательств по гражданским делам.

4. Когда фальсификация оперативно-разыскной деятельности совершается с целью причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, объект преступного посягательства (как основной, так и дополнительный) находится за рамками тех общественных отношений и интересов, которые охраняются главой 31 УК РФ. При этом предметом преступления в указанных случаях могут стать результаты оперативно-разыскной деятельности, которые не имеют никакого отношения к уголовному преследованию и формированию доказательственной базы по уголовным делам, что явно не укладывается в рамки главы 31 УК РФ. Исходя из этого, предлагается исключить из диспозиции ч. 4 ст. 303 УК РФ указание на альтернативную цель причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. В таком случае фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности, совершенная с указанной целью, будет квалифицироваться по ст. 286 УК РФ, что позволит гораздо точнее отразить сущность этого деяния.

5. Статья ст. 303 УК РФ не предусматривает ответственность за уничтожение, сокрытие или изъятие доказательств или результатов оперативно-разыскной деятельности, хотя указанные деяния нередко используются в качестве способа искажения доказательственной базы и оперативно-разыскной информации (в частности, факты уничтожения доказательств по гражданским или уголовным делам выявлены в 8 % изученных материалов). Этот пробел должен восполняться не путем расширительного толкования признака фальсификация, как это имеет место в правоприменительной практике, а посредством законодательного совершенствования ст. 303 УК РФ.

6. Законодательная регламентация субъектов фальсификации доказательств по уголовному делу нуждается в совершенствовании. Во-первых, терминология, используемая при описании признаков субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, не в полной мере соответствует понятийному аппарату уголовно-процессуального права (УПК РФ не знает понятия «лицо, производящее дознание», а оперирует термином «дознатель»). Во-вторых, в перечне субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, не указан целый ряд участников уголовного судопроизводства, обладающих процессуальными полномочиями по представлению доказательств (руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания). Учитывая динамичное развитие уголовно-процессуального законодательства, перечень субъектов фальсификации доказательств по уголовному делу целесообразно оставить открытым, указав, что таковыми могут быть участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты, обладающие полномочиями по представлению доказательств.

7. Законодательная регламентация целей фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности крайне неудачна. С одной стороны, она порождает очевидный пробел, поскольку не позволяет применить ч. 4 ст. 303 УК РФ в случаях, когда фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности совершается с целью освобождения от уголовной ответственности лица, заведомо причастного к совершению преступления. С другой стороны, предусмотренная в ч. 4 ст. 303 УК РФ альтернативная цель причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации не согласуется с содержанием видового объекта преступлений против правосудия. Исходя из этого, цели указанного преступления предлагается сформулировать в диспозиции ч. 4 ст. 303 УК РФ следующим образом: «... в целях привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, а равно заведомо незаконного освобождения от уголовной ответственности».

8. С точки зрения дифференциации уголовной ответственности ст. 303 УК РФ имеет значительный потенциал для совершенствования. В частности, фальсификация доказательств по уголовному делу приобретает значительно большую общественную опасность, если она совершается с целью незаконного привлечения лица к уголовной ответственности либо с целью заведомо незакон-

ного освобождения от уголовной ответственности, что дает основания для дифференциации уголовной ответственности посредством включения в ч. 3 ст. 303 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака. Часть 4 ст. 303 УК РФ не позволяет адекватно оценить факты фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, которые повлекли причинение тяжких последствий (самоубийство потерпевшего, причинение вреда его здоровью, смерть близких родственников и т.п.), хотя применительно к фальсификации доказательств наступление аналогичных последствий признается квалифицирующим признаком. Этот квалифицирующий признак должен быть предусмотрен и в отношении фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности.

9. В целях обеспечения единообразного применения ст. 303 УК РФ предлагается внедрить в судебно-следственную и прокурорскую практику разработанные автором рекомендации относительно: а) оснований применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к фальсификации доказательств; б) квалификации фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, совершенных в соучастии; в) разграничения продолжаемой фальсификации доказательств и совокупности преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ; г) отграничения преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, от смежных преступных деяний.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что они углубляют и развивают доктринальные уголовно-правовые представления о фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, создают теоретико-методологическую основу для совершенствования ст. 303 УК РФ и практики ее применения, а значит, вносят определенный вклад и в разработку учения о преступлениях против правосудия в целом.

Практическое значение диссертационного исследования заключается в том, что его положения и выводы, а также основанные на них рекомендации могут быть использованы: в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации; в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений против правосудия и должностных преступлений; в научно-исследовательской работе при дальнейшей разработке проблем уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и

результатов оперативно-разыскной деятельности; в учебном процессе при преподавании дисциплины «Уголовное право» и связанной с ней спецкурсов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в 9 научных публикациях, среди которых 3 статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации; докладывались на 4 научно-практических форумах: V и VI научно-практических конференциях «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых» (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации; 28 июня 2013 г. и 27 июня 2014 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью» (Кубанский государственный аграрный университет, 14 апреля 2014 г.); круглом столе «Современные тенденции развития российского уголовного законодательства» (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации; 10 июня 2014 г.). Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность прокуратуры Московской области, а также в учебный процесс юридического факультета Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Структура работы обусловлена ее целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновываются выбор темы и ее актуальность, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, раскрываются методологическая, теоретическая, нормативно-правовая и эмпирическая основы исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов.

Первая глава диссертации «**Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности**» включает в себя двух параграфов.

В первом из них исследуется **общественная опасность фальсификации доказательств, ее доктринальные, нормативные и правоприменительные оценки**. Автор приходит к выводу, что общественную опасность фальсификации доказательств можно рассматривать на трех взаимосвязанных уровнях:

– на индивидуальном уровне, где она проявляет себя в способности причинить вред интересам конкретных участников судопроизводства (в частности, их чести и достоинству, деловой репутации, имущественным интересам, физической свободе, жизни и здоровью);

– на общесоциальном уровне, где общественная опасность фальсификации доказательств выражается в нанесении ущерба интересам правосудия (в широком смысле), в подрыве доверия к органам предварительного расследования и судебной системе, авторитета правосудия в целом;

– на универсальном (естественно-правовом) уровне, с точки зрения которого общественная опасность фальсификации доказательств заключается в нарушении неотчуждаемых прав человека на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, выступающих гарантией всех других прав и свобод.

Столь серьезный деструктивный эффект указанного преступления резко контрастирует с законодательной оценкой его общественной опасности, в соответствии с которой фальсификация доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ) признается преступлением небольшой тяжести, а фальсификация доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) – преступлением средней тяжести. Это ставит под сомнение адекватность отраженной в ч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ нормативной оценки общественной опасности фальсификации доказательств, позволяя предположить, что законодатель недооценивает подлинную вредоносность рассматриваемых преступлений. К такому выводу склоняется большинство опрошенных правоприменителей.

Недооценка общественной опасности фальсификации доказательств влечет за собой целый ряд негативных уголовно-политических и правоприменительных последствий:

– нарушает уголовно-правовой принцип справедливости (в широком его понимании), который не ограничивается только соразмерностью назначения наказания, а распространяется на все стадии законодательной и правоприменительной деятельности, в том числе и на пенализацию общественно опасных деяний;

– снижает и без того недостаточно высокую заинтересованность сотрудников правоохранительных органов в их выявлении и раскрытии;

– не позволяет использовать весь арсенал оперативно-розыскных мероприятий для ее выявления и доказывания;

– служит непреодолимым препятствием для уголовно-правового противодействия приговорительной деятельности к фальсификации доказательств, так как в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.

В этой связи предлагается повысить верхний предел санкций ч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ (до четырех и шести лет лишения свободы соответственно), что позволит не только адекватно отразить подлинную общественную опасность фальсификации доказательств, но и создаст возможности для уголовно-правового реагирования на факты приготовления к подобным преступным деяниям, а также предпосылки для более эффективной деятельности по их выявлению и доказыванию. При этом необходимо сохранить без изменений их нижнюю границу, что позволит оставить значительный простор для судебного усмотрения, необходимый для того, чтобы разумно учесть фактически существующие различия конкретных фактов фальсификации доказательств.

В работе доказываемся, что с точки зрения общественной опасности фальсификацию доказательств, которая мотивирована стремлением избежать нарушения процессуальных сроков, ни при каких условиях нельзя уравнивать с фальсификацией доказательств, совершенной с целью незаконного привлечения лица к уголовной ответственности. Цель незаконного привлечения лица к уголовной ответственности повышает общественную опасность фальсификации доказательств до такого уровня, который требует постановки вопроса о законодательной дифференциации уголовной ответственности посредством конструирования соответствующего квалифицирующего признака. Таким образом, адекватное нормативное отражение подлинной общественной опасности фальсификации доказательств требует не только корректировки санкций ст. 303 УК РФ, но и совершенствования системы квалифицирующих признаков.

Во втором параграфе первой главы диссертации анализируются **предпосылки установления уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности**. В результате проведенного

исследования соискатель приходит к выводу, что установление уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности в целом соответствует всем научно обоснованным критериям криминализации: это деяние обладает высокой степенью общественной опасности, свойственной только преступлениям; является достаточно распространенным и процессуально доказуемым деянием, противодействие которому иными правовыми средствами, не связанными с уголовной репрессией, неэффективно.

Часть 4 ст. 303 УК РФ можно рассматривать как специальную уголовно-правовую норму по отношению к ст. 286 и 292 УК РФ. Следовательно, фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности была уголовно-наказуемым деянием и до появления в уголовном законодательстве ч. 4 ст. 303 УК РФ. Однако это не означает, что законодательное конструирование указанной специальной нормы нарушает принцип неизбыточности уголовно-правовых запретов. Дополнив ст. 303 УК РФ рассматриваемым уголовно-правовым запретом, законодатель решил ряд важных уголовно-политических задач:

- осуществил дифференциацию уголовной ответственности посредством установления в ч. 4 ст. 303 УК РФ повышенной санкции в сравнении с ч. 1 ст. 286 и ч. 1 ст. 292 УК РФ;

- акцентировал внимание на необходимость противодействия подобным деяниям, умножив общепреventивное воздействие соответствующего уголовно-правового запрета;

- сконструировал уголовно-правовую норму с двойной превенцией. Предупреждая фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности, она тем самым позволяет предупреждать и фальсификацию доказательств, в основу которых могут быть положены сфальсифицированные результаты оперативно-разыскной деятельности, защитить личность от необоснованного уголовного преследования, а также профилактировать факты привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности.

Таким образом, включение в УК РФ уголовно-правовой нормы об ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности позволило существенно расширить арсенал уголовно-правовых средств обеспечения интересов правосудия, прав и свобод личности.

Вторая глава диссертации «**Уголовно-правовая характеристика фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности**» состоит из трех параграфов.

В первом из них исследуется **объект и предмет фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности**. Диссертант приходит к выводу о том, что основной непосредственный объект фальсификации доказательств (ч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ) имеет сложный, многослойный характер. Посягая на процессуальный порядок сбора и представления доказательств, эти преступления нарушают нормальную деятельность суда и (или) органов предварительного расследования и тем самым причиняют вред правосудию как таковому. В качестве дополнительного непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 303 УК РФ, могут выступать честь и достоинство личности, деловая репутация, имущественные права, физическая свобода и другие личные права.

Учитывая содержание непосредственного объекта фальсификации доказательств, а также неразрывную связь доказательственной информации и источника доказательства, которые соотносятся как содержание и форма, предметом преступлений, предусмотренных ч. 1–3 ст. 303 УК РФ, следует признать: а) информацию о фактах, с помощью которой устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для гражданского или уголовного дела; б) источник получения такой информации. Следовательно, фальсификация источника доказательств образует состав преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, даже если она не сопровождалась искажением содержания доказательственной информации, что не исключает возможности применения в подобных случаях положений о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ). При этом предметом уголовно-наказуемой фальсификации являются любые доказательства, вне зависимости от их доказательственного значения применительно к конкретному уголовному или гражданскому делу.

В работе доказываемся, что предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, нуждается в расширении за счет включения в него доказательств по делам об административных правонарушениях, поскольку их фальсификация по своей общественной опасности ничуть не уступает фальсификации доказательств по гражданским делам.

Далее в диссертации исследуется объект и предмет фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности. Соискатель приходит к выводу, что содержание непосредственного объекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, самым непосредственным образом зависит от того, с какой целью совершается фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности. Если ее целью является уголовное преследование лица, заведомо непричастного к совершению преступления, то в качестве основного непосредственного объекта преступления выступают: установленный законом порядок производства оперативно-разыскных мероприятий и фиксации их результатов; нормальная деятельность органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также органов предварительного расследования; интересы правосудия в целом. Дополнительным объектом преступления в этом случае могут являться честь и достоинство личности, деловая репутация, имущественные права, физическая свобода и другие личные права. Если же фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности совершается в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, основным непосредственным объектом преступления становятся именно указанные личные права, тогда как публичные интересы (установленный законом порядок производства оперативно-разыскных мероприятий и фиксации их результатов; нормальная деятельность органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность; интересы государственной службы) приобретают статус дополнительного непосредственного объекта преступления.

Таким образом, когда фальсификация оперативно-разыскной деятельности совершается с целью причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, объект преступного посягательства (как основной, так и дополнительный) находится за рамками тех общественных отношений и интересов, которые охраняются главой 31 УК РФ. Следовательно, сущность этого деяния была бы отражена гораздо точнее, если квалифицировать его не как преступление против правосудия, а по ст. 286 УК РФ как превышение должностных полномочий. С учетом вышеизложенного представляется необходимым исключить из диспозиции ч. 4 ст. 303 УК РФ указание на альтернативную цель причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Предмет фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельно-

сти, совершаемой с целью причинения вреда чести, достоинству, деловой репутации, намного шире предмета аналогичного преступления, которое совершается с целью уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления. В случае субъективной направленности виновного на причинение вреда чести, достоинству, деловой репутации, предметом фальсификации могут стать результаты оперативно-разыскной деятельности, которые не имеют никакого отношения к уголовному преследованию и формированию доказательственной базы по уголовным делам, что явно не укладывается в рамки главы 31 УК РФ.

Диссертант полагает, что предмет преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, необходимо ограничить только теми результатами оперативно-разыскной деятельности, которые ориентированы на дальнейшее использование в уголовном процессе. Добиться этого можно только при условии исключения цели причинения вреда чести, достоинству, деловой репутации из числа признаков состава рассматриваемого преступления.

Во втором параграфе второй главы диссертации анализируется **объективная сторона фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности**. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что ст. 303 УК РФ не предусматривает ответственность за уничтожение, сокрытие или изъятие доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, хотя указанные деяния нередко используются в качестве способа искажения доказательственной базы и оперативно-разыскной информации (в частности, факты уничтожения доказательств по гражданским или уголовным делам выявлены в 8 % изученных материалов). Этот пробел должен восполняться не путем расширительного толкования понятия «фальсификация», как это имеет место в правоприменительной практике, а посредством законодательного совершенствования ст. 303 УК РФ.

Учитывая многообразие способов видоизменения доказательственной базы, в диспозициях ч. 1–3 ст. 303 УК РФ помимо фальсификации доказательств представляется необходимым регламентировать альтернативные общественно опасные деяния в виде уничтожения, изъятия или сокрытия доказательств. Аналогичные изменения следует внести и в ч. 4 ст. 303 УК РФ, что создаст нормативную основу для единой квалификации действий, направленных на фальси-

фикацию, уничтожение, изъятие или сокрытие результатов оперативно-разыскной деятельности.

Способы совершения фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности в силу особенностей предмета этого преступления несколько отличаются от фальсификации доказательств. Их перечень может быть расширен за счет подбрасывания предметов и документов, которые затем могут стать вещественными доказательствами по делу (при условии, что соответствующие действия осуществлены в рамках производства оперативно-разыскных мероприятий лицами, уполномоченным на их проведение).

Анализ процессуального законодательства и обобщение материалов правоприменительной практика приводят диссертанта к выводу, что момент юридического окончания фальсификации доказательств следует определять дифференцированно, с учетом способа фальсификации, этапа судопроизводства, субъекта совершения преступления и иных характеристик. Так, момент юридического окончания фальсификации доказательств по гражданским делам связан с поступлением видоизменного документа в распоряжение состава суда. Фальсификация доказательств по уголовным делам ввиду процессуальных особенностей, относящихся к их собиранию, представлению, проверке и оценке (ст. 86–88 УПК РФ), признается оконченным преступлением с момента приобщения сфальсифицированного доказательства к материалам уголовного дела или составления соответствующего протокола или постановления.

Момент юридического завершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, следует определять с учетом цели действий виновного. Фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности, совершенную с целью уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, следует считать юридически оконченной с момента, когда сфальсифицированные результаты оперативно-разыскной деятельности представляются дознавателю или следователю. Возможность их использования для уголовного преследования (например, в качестве повода для возбуждения уголовного дела или для формирования доказательств обвинения) уголовно-правового значения при этом не имеет. Если же преступление совершается с целью причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, то оно юридически окончено с момента, когда сфальсифицированные результаты оперативно-разыскных

мероприятий предоставлены должностным лицам, по запросу которых эти мероприятия проводились.

В третьем параграфе второй главы диссертации рассмотрены **субъективные признаки фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности**. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности – это преступления, которые совершаются только с прямым умыслом. В его содержание входит осознание общественной опасности совершаемых действий, направленных на видоизменение доказательственной базы, а также желание совершить эти действия. Применительно к преступлению, предусмотренному ч. 4 ст. 303 УК РФ, формула прямого умысла выглядит следующим образом: лицо осознает общественную опасность фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности и желает совершить соответствующие действия с целью уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, в отдельных случаях субъекты правоприменения считают, что обязательным признаком субъективной стороны фальсификации доказательств является альтернативная цель – привлечь к уголовной ответственности лицо, заведомо не виновное, либо обвинить его в совершении более тяжкого преступления, либо незаконно освободить его от уголовной ответственности за преступное деяние, либо смягчить ответственность виновного в преступлении лица. Однако подобная трактовка явно противоречит предписаниям ч. 1–3 ст. 303 УК РФ, в которых отсутствует упоминание о каких-либо целях совершения фальсификации доказательств.

Изучение материалов конкретных уголовных дел показывает, что типичными мотивами фальсификации доказательств являются корысть, карьеризм, ложно понятые интересы службы, искусственное завышение показателей собственной работы, желание избежать ответственности. Не оказывая влияния на квалификацию содеянного, указанные мотивы, тем не менее, имеют важное уголовно-правовое значение. С одной стороны, они способствуют правильному установлению виновности лица, а с другой, могут учитываться при назначении уголовного наказания либо в совокупности с иными обстоятельствами оказывать

влияние на оценку судом общественной опасности лица и совершенного им преступления при принятии решения об условном осуждении (ст. 73 УК РФ).

Рассматривая признаки субъективной стороны фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, диссертант приходит к выводу, что законодательная регламентация цели, связанной с уголовным преследованием лица, заведомо не причастного к совершению преступления, осуществлена в ч. 4 ст. 303 УК РФ крайне неудачно. Во-первых, это не позволяет применять ч. 4 ст. 303 УК РФ в тех случаях, когда результаты оперативно-разыскной деятельности фальсифицируются с обратной целью – воспрепятствовать уголовному преследованию лица, заведомо причастного к совершению преступления. Во-вторых, применение ч. 4 ст. 303 УК РФ невозможно и в тех случаях, когда фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности нацелена на то, чтобы повлиять на квалификацию действий лица, в отношении которого проводились оперативно-разыскные мероприятия. В этой связи предлагается изложить цели рассматриваемого преступления следующим образом: «в целях привлечения заведомо невинного к уголовной ответственности, а равно заведомо незаконного освобождения от уголовной ответственности». Это позволит существенно расширить сферу применения ч. 4 ст. 303 УК РФ, добиться того, чтобы все случаи посягательства на интересы правосудия, совершаемые посредством фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, получили единую и адекватную уголовно-правовую оценку.

В работе подчеркивается, что цель причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации не согласуется с содержанием непосредственного и видового объектов фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности. Это дает основания для исключения указанной цели из диспозиции ч. 4 ст. 303 УК РФ, что не приведет к декриминализации соответствующих деяний. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности, совершенная с целью причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, будет квалифицироваться по ст. 286 УК РФ, что намного точнее отразит сущность этого деяния.

Проведенное исследование показало, что законодательная регламентация субъектов фальсификации доказательств по уголовному делу нуждается в совершенствовании. Во-первых, терминология, используемая при описании признаков субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, не в

полной мере соответствует понятийному аппарату уголовно-процессуального права (УПК РФ не знает понятия «лицо, производящее дознание», а оперирует термином «дознаватель»). Во-вторых, в перечне субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, не указан целый ряд участников уголовного судопроизводства, обладающих процессуальными полномочиями по представлению доказательств (руководитель следственного органа, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания). В этой связи перечень субъектов фальсификации доказательств по уголовному делу целесообразно оставить открытым, указав, что таковыми могут быть участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты, обладающие полномочиями по представлению доказательств.

Субъектами фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности выступают должностные лица оперативных подразделений государственных органов, перечисленных в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», осуществляющие в установленных законом рамках оперативно-разыскную деятельность.

Третья глава диссертации **«Дифференциация уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности и проблемы квалификации этих преступлений»** состоит из двух параграфов.

В первом из них анализируются **проблемы дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности**. Рассматривая квалифицированные виды фальсификации доказательств (ч. 3 ст. 303 УК РФ), диссертант приходит к выводу, что усиление уголовной ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении обусловлено повышенной общественной опасностью этого преступного деяния, которая проявляется в возможности причинения более тяжких последствий непосредственному объекту уголовно-правовой охраны. Специфика указанного квалифицированного состава заключается, в первую очередь, в его предмете, особенности которого накладывают отпечаток и на другие признаки состава. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством предварительное расследование в форме дознания производится только по уголовным делам о преступлениях

небольшой или средней тяжести, в связи с чем перечень субъектов фальсификации доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении не включает дознавателя.

Квалифицированный состав фальсификации доказательств, повлекшей тяжкие последствия, имеет материальную конструкцию. При этом тяжкие последствия могут быть вызваны фальсификацией доказательств не только по уголовному, но и по гражданскому делу. Следовательно, санкция ч. 3 ст. 303 УК РФ должна быть адаптирована для наказания участников гражданского и арбитражного процесса, что предполагает отказ от обязательности дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

В работе доказывается, что в контексте ч. 3 ст. 303 УК РФ тяжкими могут признаваться только такие последствия, которые затрагивают содержание дополнительного непосредственного объекта фальсификации доказательств, т.е. личные интересы потерпевшего (в частности, самоубийство или покушение на самоубийство лица, психическое расстройство или серьезное заболевание вследствие осуждения). Если же причиненные последствия «укладываются» в содержание основного непосредственного объекта (вынесение оправдательного приговора в отношении лица, совершившего преступление, осуждение невиновного), то они тяжкими не признаются. С учетом предписаний ч. 2 ст. 24 УК РФ, особенностей фальсификации, а также специфики тяжких последствий, виновное отношение к их причинению может выражаться в косвенном умысле либо неосторожности (легкомыслии или небрежности).

Проведенное исследование показало, что дифференциация уголовной ответственности за фальсификацию доказательств имеет значительный потенциал для совершенствования, так как в ее процессе законодателем не учтен ряд обстоятельств, которые существенно повышают общественную опасность деяния. В частности, фальсификация доказательств по уголовному делу приобретает значительно большую общественную опасность, если она совершается с целью незаконного привлечения лица к уголовной ответственности либо с целью заведомо незаконного освобождения от уголовной ответственности. Это дает основания для дифференциации уголовной ответственности посредством включения в ч. 3 ст. 303 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака.

Диссертант предлагает регламентировать в примечании к ст. 303 УК РФ специальное основание освобождения от уголовной ответственности за фальсификацию доказательств, условием применения которого будет выступать добровольное заявление о фальсификации, уничтожении или сокрытии доказательств до вынесения приговора суда или решения суда. Посредством этой поощрительной нормы государство создаст условия для предупреждения неправомерных решений, основанных на сфальсифицированных доказательствах, что с точки зрения уголовно-правовой охраны интересов правосудия является более значимой целью в сравнении с наказанием лица, сфальсифицировавшего доказательства. Однако при этом из сферы применения предлагаемой нормы необходимо исключить фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия.

По мнению соискателя, в плане дифференциации уголовной ответственности норма о фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности имеет значительные резервы для оптимизации. В существующем виде ч. 4 ст. 303 УК РФ не позволяет адекватно оценить факты фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, которые повлекли причинение тяжких последствий (самоубийство потерпевшего, причинение вреда его здоровью, смерть близких родственников и т.п.), хотя применительно к фальсификации доказательств наступление аналогичных последствий признается квалифицирующим признаком. Этот квалифицирующий признак должен быть предусмотрен и в отношении фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, что позволит, во-первых, учесть объективно более высокую общественную опасность фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, повлекшей тяжкие последствия, а во-вторых, обеспечить системный подход к дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности.

В завершение параграфа отмечается, что фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности отличается от фальсификации доказательств практически по всем объективным и субъективным параметрам, в связи с чем включение этого самостоятельного состава в ст. 303 УК РФ представляется необоснованным. С учетом правил законодательной техники, выработанных уголовно-правовой наукой, законодателю следовало бы выделить предписания об ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятель-

ности в самостоятельную статью Особенной части (ст. 303.1 УК РФ).

Во втором параграфе третьей главы диссертации исследованы **особенности квалификации фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности**. В частности, в работе отмечается, что действия по искажению источника доказательственной информации, совершенные лицами, указанными в ч. 1–2 ст. 303 УК РФ, формально содержат все признаки состава фальсификации доказательств, однако они объективно представляют значительно меньшую общественную опасность в сравнении с фальсификацией доказательственной информации. В конкретной правоприменительной ситуации этот фактор в совокупности с обстановкой фальсификации доказательств, ее мотивами и целями, характеристикой личности виновного, вполне может послужить основанием для применения ч. 2 ст. 14 УК РФ. При этом фальсификация доказательств не может быть признана малозначительной: если искажается содержание доказательственной информации; если подобным образом лицо скрывает ранее совершенную фальсификацию другого доказательства или нарушение иных требований процессуального законодательства.

Действия прокурора, который заранее дал дознавателю или следователю свое согласие на фальсификацию доказательств и утверждение обвинительного заключения (обвинительного акта), следует квалифицировать как пособничество в совершении фальсификации доказательств. Если же прокурор не был заранее осведомлен о фальсификации доказательств и, осуществляя надзор за исполнением законов органами предварительного расследования, умышленно не среагировал должным образом на наличие в деле сфальсифицированных материалов, то его действия необходимо квалифицировать по ст. 285 УК РФ.

Судебная практика, как правило, не признает совокупностью преступлений неоднократную фальсификацию доказательств, если указанные деяния совершались в рамках одного дела. Если же лицо совершало фальсификацию доказательств по разным делам, суды обычно квалифицируют содеянное как совокупность преступлений. Этот подход представляется чрезмерно упрощенным и не всегда верным. Важнейшим признаком продолжаемого преступления является внутренняя взаимосвязь его элементов, которая имеет объективные и субъективные проявления. С объективной точки зрения она выражается в функциональной дополнительности тождественных актов поведения, которые представ-

ляют из себя этапы единого деяния, а с субъективной стороны – в единстве умысла и общности цели. Отсутствие указанных объективных и субъективных критериев не позволяет признать многоэпизодную фальсификацию доказательств единым продолжаемым преступлением, даже если виновный сфальсифицировал доказательства по одному делу.

Важнейшим условием точной квалификации является правильное разграничение фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности от смежных преступлений, таких как: подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ); заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ); заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ); принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ); незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ); привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ); злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ); служебный подлог (ст. 292 УК РФ). В диссертации предложены критерии разграничения указанных преступлений, которые могут быть востребованы правоприменительной практикой.

В **заключении** представлен доктринальный проект изменений, которые предлагается внести в уголовное законодательство. В частности, ст. 303 УК РФ предлагается изложить в следующем виде.

«Статья 303. Фальсификация, уничтожение или сокрытие доказательств

1. Фальсификация, уничтожение или сокрытие доказательств по гражданскому делу или по делу об административном правонарушении, рассмотрение которого отнесено к компетенции судьи, совершенные лицом, имеющим право представлять доказательства, -

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать опреде-

ленные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. Фальсификация, уничтожение или сокрытие доказательств по уголовному делу участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты, имеющим право представлять доказательства, -

наказываются ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Фальсификация, уничтожение или сокрытие доказательств:

а) по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении;

б) совершенные в целях привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, а равно заведомо незаконного освобождения от уголовной ответственности;

в) повлекшие тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Примечание. Лицо, совершившее деяния, предусмотренные настоящей статьей, не повлекшие тяжкие последствия (пункт «в» части третьей настоящей статьи), освобождается от уголовной ответственности, если оно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда добровольно заявило о фальсификации, уничтожении или сокрытии доказательств».

Предписания об ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности предлагается выделить в самостоятельную статью (ст. 303.1 УК РФ), изложив ее в следующей редакции.

«Статья 303.1. Фальсификация, уничтожение или сокрытие результатов оперативно-разыскной деятельности

1. Фальсификация, уничтожение или сокрытие результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-

разыскных мероприятий, в целях привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, а равно заведомо незаконного освобождения от уголовной ответственности -

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

2. Те же деяния, повлекшие тяжкие последствия, -

наказываются лишением свободы на срок до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Радионов, Г.Г. Превентивное значение уголовно-правовой нормы об ответственности за фальсификацию доказательств [Текст] / Г.Г. Радионов // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 2. – С. 397–399. – 0,26 п.л.

2. Радионов, Г.Г. Относительная распространенность деяний как критерий криминализации фальсификации доказательств [Текст] / Г.Г. Радионов // Общество и право. – 2014. – № 1. – С. 87–90. – 0,34 п.л.

3. Радионов, Г.Г. Отграничение фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) от смежных составов преступлений [Текст] / Г.Г. Радионов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2014. – № 4. – С. 128–133. – 0,5 п.л.

Статьи в иных изданиях:

4. Радионов, Г.Г. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности в системе преступлений против правосудия [Текст] / Г.Г. Радионов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. ст. (по материалам Пятой научно-практической конференции молодых ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, проведенной 28.06.2013) / [под ред. Т.Л. Козлова и К.В. Ображиева]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. – С. 147–151. – 0,28 п.л.

5. Радионов, Г.Г. К вопросу об общественной опасности фальсификации доказательств [Текст] / Г.Г. Радионов // Актуальные проблемы применения

уголовного права в прокурорской практике: сб. науч. тр. / под общ. ред. С.И. Никулина и Н.И. Пикурова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. – С. 69–76. – 0,4 п.л.

6. Радионов, Г.Г. Особенности применения ч. 2 ст. 14 УК РФ по делам о фальсификации доказательств [Текст] / Г.Г. Радионов // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А.А. Тушев; под ред. В.Д. Зеленского. – Краснодар: КубГАУ, 2014. – С. 103–108. – 0,33 п.л.

7. Радионов, Г.Г. Квалификация многоэпизодной фальсификации доказательств: продолжаемое преступление или совокупность преступных деяний? [Текст] / Г.Г. Радионов // Современные тенденции развития российского уголовного законодательства: сб. материалов круглого стола (Москва, 10 июня 2014 г.) / под общ. ред. О.Д. Жука; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2014. – С. 173–177. – 0,21 п.л.

8. Радионов, Г.Г. Объект и предмет фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности [Текст] / Г.Г. Радионов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. ст. по материалам VI науч.-практ. конф. молодых ученых, состоявшейся Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации 27 июня 2014 г. / [под ред. Т.Л. Козлова и К.В. Ображиева]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2014. – С. 202–211. – 0,54 п.л.

9. Радионов, Г.Г. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст] / Г.Г. Радионов // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: материалы Международ. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию Л.Л. Кругликова (11 января 2015 г.) / под ред. В.Ф. Лапшина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2015. – С. 318–328. – 0,5 п.л.

Подписано в печать

Усл. печ. л. 1,5

Уч. – изд.л. 1,4

Тираж 150 экз.

Наряд № 112

УОП РИЛ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
117638, Москва, ул. Азовская, д. 2, к. 1